

Он пел, а страна подпевала

Звезда Сережи Парамонова — вошла внезапно и красиво. Одиннадцать лет от роду он попал в детский хор, которым руководил Евгений Попов («Мама увидела объявление о наборе, взяла за руку и привела»). Было это в 1972 году.

Почти сразу Сережа стал солистом хора. Вы помните этих мальчиков-девочек, неприменных участников концертов «по поводу»? Конечно, помните. Белые хрустящие рубашечки, алые галстуки. Этот хор давно уже превратился в один из светлых атрибутов эпохи семидесятых. А солист Сережа — ну просто Юра Шагунов тех лет.

— Я стал популярным в одночасье. Слова «наутро он проснулся знаменитым» касаются и меня. В предновогоднем концерте «Песня-72» я спел «Пусть бегут неуклюже» Шаинского.

Популярность хора и его солиста росла параллельно. Был «Голубой вагон», который пела вся страна. Была «Улыбка»: «Поделись улыбкой своей...». Улыбались все. Переполненные залы, аплодисменты, цветы, красное на белоснежном, поклонницы «от мала до велика».

Хор ездил по стране, укреплял дружбу с соцлагерем, записывал песни для кинофильмов, мелькал на телевидении. И неизвестно, кому рукоплескали больше: мальчикам-девочкам или их солисту. По крайней мере цветы дарили двум людям: Попову и Парамонову.

— Сергей, а ты задумывался когда-нибудь, откуда взялась твоя популярность?

— Конечно. Секрет вот, наверное, в чем: в моем лице. Но на лице было написано, что я дворовый мальчишка. И у многих создавалось ощущение, что гонял я с утра на велосипеде, потом умылся, переоделся и на сцену. Спел — и опять на велосипед.

За оптимистической пионерской безоблачностью все равно стояла работа:

— Мы «пахали». По десять часов в день как минимум. У меня не было выходных. Тем более хор был самостоятельным, и мы за работу ничего не получали.

Но «звезда» светила уверенно и даже надменно. Пахмутова и Рождественский писали песни специально для Сергея. Поклонницы осыпали цветами, на улице не давали прохода. Музыканты оркестра Силантьева называли Сережу маленьким Магомаевым. «Ма-

СНАЧАЛА У СЕРЕЖИ ПАРАМОНОВА СЛОМАЛСЯ ГОЛОС. А ПОТОМ — СУДЬБА! НО ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖА- ЕТСЯ...

ленького Магомаева» приняла элита эстрады. «Маленький Магомаев» выводил под ручку на сцену Лидию Русланову.

— Меня называли хорошим мальчиком. Я достаточно быстро привык к своей популярности. На репетициях возникали моменты типа: «А эти слова кто поет?». Да девочка какая-то, отвечали мне. Ах, девочка? Ну-ну.

Но у «хорошего мальчика» были все-таки способности. И память оказалась удивительной. Если кто-то в последний момент не успевал выучить слова или забывал, Сережа всегда выручал. Счастливым было время.

А потом по стране поползли слухи: Сережа Парамонов погиб. Чаще всего говорили, что разбился в автомобильной катастрофе. Родителей засыпали письмами соболезнования. Однофамильцы из глубинки написали, что своего сына назвали в честь Сергея.

Никакой автомобильной катастрофы не случилось. Просто четырнадцать лет — это тот возраст, когда ломается голос. Еще чуть-чуть — и все.

— Уходил я резко, в одночасье. Поэтому и появились разговоры, что я погиб.

— Попов тебя не удерживал?

— Нет. Он же все понимал. Тем более я вырос из детских штанишек и пионерского галстука. А репертуар хора оставался все равно детским. И даже портился. «Голубой вагон» укатил куда-то уже. Я

не видел себя больше в хоре. Я сломался.

Дальше были три класса вечерней музыкальной школы и четыре курса училища им. Ипполитова-Иванова. В то время, наверное, и происходило нечто трагическое, о чем Сергей не особо распространяется:

— Я понял, что все разговоры о том, что я невероятно талантлив, гроша ломаного не стоят. Нет, конечно, я честно учился. Но меня окружали несравненно более способные ребята.

Училище Сергей так и не закончил: опять стало скучно. Искал что-то новое. Начал играть в многочисленных ВИА переломных семидесятых — восьмидесятых. Его еще приглашали по старой памяти на концерты «по случаю», и «звездой», узнавая в лицо, осведомлялись о жизни. Но что-то уже было не так.

— Сергей, когда ты начал пить?

— В девятнадцать. Всему виной была любимая девушка. Ничего у нас с ней не получалось. И как-то раз зашли с приятелем в очень известный пивной погребок на Пушкинской. Накачались пивом, потом водки купили, на репетицию поехали. И так хорошо стало. Забыл обо всех своих проблемах: какая там любовь. Утром выяснилось, что проблемы остались, но вечером они мне надоели, и я повторил опыт. В общем, понеслось.

То, что «понеслось», написано на лице Сергея. Но са-

мое удивительное в том, что из музыки он все-таки никуда не ушел. Был клавишником, но потом понял, что есть более талантливые ребята: «Быть на задворках — не имело смысла». Подрабатывал в морге и испытывал от этого настоящий кайф: «А ведь люди-то все одинаковые. И в морге не имеет значения, кто кем был при жизни и чего достиг».

Его окружали друзья, такие же музыканты, как и он сам. Это загадочная творческая атмосфера — на грани алкогилизма, нигилизма, эгоизма. Более сильный вытягивал из «пике» тех, кто слабее. Парамонов в конце концов начал писать музыку. Музыку исполняли друзья. Имя Парамонова при этом странным образом растворялось. Он всегда уходил в тень. Пил, начал курить «травку».

— Наркотики — это действительно пропасть. Я почти втянулся в это дело. Спасибо друзьям за то, что переклочили исключительно на алкоголь.

— Ты ни о чем не жалеешь?

— О чем? О том, что алкоголь в 31 год? Нет. Я все-таки нужен своим друзьям. И когда есть работа, питье мне не мешает. Я могу вкалывать по семнадцать — двадцать часов — это привычка с детства. Единственное, о чем могу жалеть, так о женщинах, которых потерял. Но это были такие женщины, что дай Бог каждому.

Последнее время Сергей работает с поэтом Сашей Шагановым. Записали сольный альбом. Шаганов укрепил свою популярность. Парамонов сидит чаще всего дома и проповедует идеи искреннего эгоизма: «Делаю только то, что хочется, и отказываюсь от того, что мне противно». В его «хрущобной» квартире появляются только друзья. Живет один, родители ушли на пенсию и купили дом в деревне.

— Тебе нравится такая жизнь?

— Я живу музыкой. И вообще, когда смотрю назад, вижу, что все было не напрасно. Я доволен прожитым, понимаешь? Всем этим нынешним «звездам», имеющим лихие «бабки», и не снится тот мир, в котором я жил. Ведь я пел в одних концертах с Утесовым, с Шульженко, с

Кристаллинкой. Кому еще могло так повезти? У меня много песен. И куча знакомых на радио, телевидении. Ребята меня спрашивают: почему ты не хочешь выступить со своими песнями? Да потому, что я знаю, что все это — адское напряжение, жуткая психологическая нагрузка.

— Ты боишься окончательно сорваться?

— Да нет же. Просто я прошел уже через все это, и через популярность тоже. И возвращаться мне не хочется.

Одно время Парамонов, кстати, работал на радио, в «Юности». Представлял неизвестных музыкантов, тех, кто тоже писал музыку исключительно «в свое удовольствие». Говорит, что в «раскрутке» Чумакова и Пенкина есть и его заслуга. Но с радио все равно ушел.

— На что ты живешь?

— Меня кормит музыка. И деньги я зарабатываю честно. Вот несколько дней назад было предложение помочь записаться одному «дарованию». Но это была изначально халтура. Ну что ж, не заработал я тысяч восемьсот. Но я могу это себе позволить, потому что остались кое-какие принципы.

— Что за принципы?

— Если человек и рядом со сценой не стоит, то сколько в него денег ни вкладывай, будет бесполезный труд. Точнее, обман. И вообще мне ведь много не надо. Есть у меня сейчас мешок картошки, деньги на хлеб и сигареты. Пока все это не закончится, и не пошевельюсь.

Деньги только на хлеб и сигареты — это замечательно, потому что последнее время Сергей не пьет.

Сейчас он пишет музыку для струнного квартета. Закончит работу или нет, неизвестно. Но очень хочет сделать. Кстати, он не считает себя композитором: «Существует великая пропасть между талантом и способностями. Способности у меня есть, но не более. Я не композитор, я — автор музыки».

— Тебе не бывает страшно за то, что впереди?

— Тридцать один год — это тот возраст, когда ко всему привыкаешь. И только-только начинаешь жить. Я только с ума боюсь сойти, а так — ничего...

С. БЕРЕСТОВ.